

С Е Л И М
Я Л К У Т

ОБРАТНАЯ
СТОРОНА
ВРЕМЕНИ

Селим Исаакович Ялгут

Обратная сторона времени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64456972

Обратная сторона времени / С.И. Ялгут: Алетейя; Санкт-Петербург;

2021

ISBN 978-5-00165-247-2

Аннотация

В одном из интервью автор книги так сформулировал свое творческое кредо: «Человек, личность и общество в его развитии и противоречиях настолько интересная тема, что все прочее оставляет меня сравнительно равнодушным. Считаю, что писать нужно доступно, занимательно, по возможности с улыбкой». В полной мере это относится к его новой книге «Обратная сторона времени». Большую ее часть составили «Записки девочки», которые вызывают в памяти прочитанные в детстве страницы Антуана де Сент-Экзюпери. Это дневник маленькой принцессы, и автор предлагает нам в него заглянуть.

Содержание

Записки ребенка[1]	4
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Селим Ялкут

Обратная сторона времени

Записки ребенка¹

Посвящается Ире

Я люблю вспоминать себя ребенком. О взрослых писать не очень интересно, их интересно наблюдать со стороны, как я и делала в течение многих лет, которые мне теперь кажутся очень короткими. Интересно наблюдать за животными в зоопарке, за рыбами в аквариуме. Интересно наблюдать за вещами, не за куклами, а за взрослыми вещами, а за куклами, это само собой.

Дети умнее взрослых, но взрослые пишут лучше. Излагают свои мысли (представьте себе). Поэтому мне понадобилось вырасти, чтобы это записать. Иначе было бы не так понятно. Если вы дочитали до этого места, то можете сидеть спокойно, больше я рассуждать не буду, а перехожу к воспоминаниям. Но хочу дать совет, если вы начали читать с умным видом, съешьте большой соленый огурец. Тогда вы поймете, как это ребенку писать и сочинять, вместо того, чтобы носиться туда-сюда и вертеться под ногами. Взрослые гово-

¹ Рисунки Ефрема Лихтенштейна

рят, что у детства времени много, но тут я сомневаюсь. А умный вид у вас все равно появится, когда вы дочитаете эту книгу до конца.

Склад темноты

Когда-то давно, как говорят, со времен Наполеона, во дворе дома, где я жила, стояли длинные одноэтажные строения, которые назывались *бараки*. Они были здесь за много лет, как построили наш дом с шестью подъездами (вход со двора) и аркой посреди. Двор в глубину мне казался огромным, таким, что я могу идти-идти и не дойду до самого конца. Только не забывайте, мне тогда было четыре года или пять лет, но не больше. И совсем не потому, что я скрывала свой возраст. Мне даже хотелось быть старше, потому что я хотела пойти в школу. Вы не поверите, что так бывает, просто тетка Ленка говорит, я всегда думаю наоборот. Но пока я гуляла во дворе, куда меня отпускали с одним условием, не выходить на улицу. В бараках когда-то жили рабочие, а теперь в них никто не жил, потому что рабочие куда-то переехали. Окна были выбиты и, если встать на цыпочки и заглянуть через подоконник, были видны пустые комнаты с кучами мусора, а если смотреть долго, казалось, что там кто-то шевелится. И двери были распахнуты, вернее, дверей не было, а просто дыра – прямоугольник (это слово я узнала позже), а за ним сплошная черная темнота. Я смотрела в эту темноту, и мне

становилось страшно. Казалось, что там кто-то есть. Стоит и дожидается, когда я войду. Потому я решила, что входить не буду. Но когда мы гуляли неподалеку я поглядывала, выйдет кто-нибудь из этой темноты или нет. Но никто не выходил.

С нами иногда гулял мальчик, на год или два старше меня. Потом он куда-то исчез, наверно, тоже переехал. А тогда я запомнила, он был в очках. Я ему сказала, что внутри темно и страшно. А он сказал, что так и должно быть, потому что внутри находится *Склад темноты*. Я ему сказала, если это склад, то где сторож? Должен быть солдат с ружьем или какой-нибудь дядька в тулупе и валенках, который бы сидел у этого склада, громко кашлял и курил.

– Это совершенно понятно. – Сказал мальчик. – Почему нет сторожа.

– Нет, не понятно...

– Потому что темноту нельзя со склада вынести, её можно пользоваться только внутри... Потому её сторожить не нужно.

– Можно подумать... – Сказала я. – Чего тогда туда ходить?

– О-о-о... – Сказал мальчик. – Там много всего. Там всякие богатства и сокровища, а между ними разгуливают тени, кто жил там прежде. Тень не видна в темноте, но хорошо слышно, как она скрипит и разговаривает сама с собой, только слова непонятны.

– Конечно, если так... – Это я сказала. – Но ты сам говоришь, что сокровища...

– Можно вынести только одно. – Продолжал мальчик. – Вот ты зашла в темноту, идешь, идешь. Одна, в темноте. Тебе становится страшно. Но ты все равно идешь среди этой тем-

ноты и прогоняешь от себя свой страх. И так ты доходишь до самого конца, дотрагиваешься до стены. Ты ее не видишь, но ты ее чувствуешь. Дотронулась и идешь назад. И выносишь *храбрость*. Она только твоя. Вот что тебе дает темнота. Ты выходишь, а тебя спрашивают. Ну что, как там... в темноте?.. Не страшно? Вот тут ты можешь сказать: – Конечно, страшно... Я видела большой скелет. И у него светились глаза. Потом у него стали светиться пальцы, и он потянулся ко мне. И в последний момент я повернулась и спокойно ушла.

– И я могу так сказать?

– Конечно, можешь. Потому что у тебя есть *храбрость*, а у тех, кто спрашивает, как там, храбрости нет. Вот, что дает темнота.

Это, конечно, было здорово. Но пока внутрь за храбростью я еще не заходила. Только собиралась. Темнота бывает ночью, когда мама выключает свет, а тут темнота была днем. Но наши мальчишки заходили внутрь и даже гуляли там по комнатам, и рассказывали, как там внутри. Один мальчик слышал, как кто-то совсем рядом стонал и говорил на непонятном языке. И хотел ухватить его своей рукой. Но не вышло... И этот мальчик был очень бледный и спрашивал: – А где Сева? Сева где?

Сева был его товарищ. Они вместе туда зашли. Но Сева в темноте потерялся, мальчик этот вышел, а Севы нет. Мы стояли и слушали, а потом кто-то показал на крышу, туда, где была труба. Мы стали смотреть на эту трубу, но тут вы-

шел Сева (долго его не было) и тащил за собой, как вы думаете, что? Никогда не догадаетесь. Почему я тогда чуть не упала в обморок, до сих пор не знаю. Мама говорит, что с высоты моего роста в обморок падать легко. Это взрослым и высоким трудно падать, потому что можно больно удариться. Поэтому, если хочешь упасть в обморок, нужно сначала сесть, найти удобную позу, подложить подушку, и только после этого падать. Мама рассказывала, у нее есть подруга, которая очень хорошо это умеет.

А почему я тогда не упала в обморок, я до сих пор не знаю. Потому что этот Сева тащил за собой человеческую ногу. Большую ногу, с самого верха и до пальцев. Нога была вся одинаковая, похожая по цвету на шоколадное мороженое, если его смешать со сливочным. Тогда мне это в голову не пришло, а пришло теперь, когда я хочу, чтобы вы поняли, от чего я чуть не упала в обморок. Вся нога очень блестела. Не помню, было ли что-то еще, наверно, было. Ногу вынесли и положили на пороге *Склада темноты*.

Тут я должна объяснить, что я подумала, пока она там лежала... Сначала мы растем, набираемся впечатлений, потом мы немного живем *сегодняшним днем*, а потом начинаем все это вспоминать. Я считаю, что я увидела ногу слишком рано. Вот если бы я прочла к тому времени *Остров сокровищ*, тогда, конечно. А теперь было еще рано. Поэтому я стояла в стороне и огорчалась, что у меня нет мыслей, сказать что-то умное. Чтобы на меня обратили внимание. Мне

тогда очень хотелось, но вспомнила об этом я только теперь. Мальчик, который нашел ногу, очень гордился, но не знал, что с этой ногой делать. Если бы тогда были такие фотоаппараты, как сейчас, он бы с ней сфотографировался. И нас всех сфотографировал. Но тогда таких аппаратов не было. Он знал, что нашел что-то очень важное. Возможно, здесь шли тяжелые сражения, потом солдаты ушли, а нога осталась. А один мальчик, тот самый в очках, сказал, что это были наполеоновские солдаты, и ногу нужно отнести во *Французское посольство*. Это, если по правилам.

Но потом решили отнести ногу в больницу. Я это первая придумала. Потому что из нашего окна эта больница была хорошо видна. Она была по другую сторону широкой улицы, перед ней был высокий забор, но смотреть сверху, с балкона мне забор не мешал. И я видела, что там внутри. Я еще буду об этом рассказывать. А тогда я первая подумала, что нужно отнести ногу в больницу. Но я не сказала, а сказал кто-то другой, и мне стало обидно. Так бывает, ты первая догадалась, уже рот открыла, а кто-то выскочил, раз-два, пока ты так стоишь, и взрослые тебя спрашивают: – Девочка, почему ты стоишь с открытым ртом? Закрой, а то отморозишь гланды... Понятно, почему.

Но тут начались трудности. Для того, чтобы доставить ногу в больницу, нужно выйти со двора, перейти через улицу. А мы были, как тогда говорили, *домашние дети*. И перейти самому через улицу, это было гораздо хуже, чем зайти на

Склад темноты. Потому что тогда не пустят играть во двор, и будешь сидеть дома, и мимо тебя будут постоянно ходить и говорить (будто ты сама не знаешь): – Ага, вот видишь, как ты могла, как ты могла... ах-ах, мы думали, что ты уже взрослая.

Видели такое? Это я – взрослая? Даже на перилах не дадут прокатиться. Хорошо, я не буду выходить на двор, если вы не хотите. Но разве перила во дворе? Между прочим, могу подсказать, кто не знает. Наверх, на шестой этаж (мы там жили), нужно подниматься лифтом, а вниз – спускаться по перилам. И получается не хуже, чем в горах, я по телевизору смотрела, даже лыжи не нужны. Теперь катаются на одной, а те, кто не видел, спрашивают, как это? Ничего особенного, я когда-то на животе так по перилам спускалась. Вместо лыжи. Если бы меня тогда видели, то придумали бы эту лыжу раньше.

В общем, мы решили в больницу не ходить, и этот мальчик, который нашел ногу, понес ее к себе домой. Он сказал, что только поставит ногу в комнате, и тут же выйдет во двор. Мы долго стояли внизу и ждали, но он уже не вышел. Наверно, что-то там случилось из-за этой ноги, я только не знаю – плохое или хорошее, потому что того и другого в природе примерно поровну.

Потом *Склад темноты* перенесли куда-то в другое место, а во дворе выстроили школу, как раз в том году, когда я пошла в первый класс. Перед школой были теплицы, внут-

ри постоянно горел свет, я останавливалась и глазела сквозь стеклянные стены и крышу, как растут разные зеленые растения. Постоянно что-то цвело, наверно, огурцы или лимоны, или еще что-нибудь. Все это меня очень интересовало, и никто не торопил, с первого класса я ходила в школу сама. Однажды зимним утром, когда холодно и темно, я свернула за угол и сразу наткнулась на собак. Их, кажется, было четверо. Они грелись под стеной, и я их, наверно, разбудила. Они были очень недовольны, встали на лапы и начали на меня рычать. Быстро расти я начала уже потом, а тогда я была очень маленькая. Мне кажется, они хотели меня укусить. Может быть, не все сразу, а по очереди, но мысли такие у них появились. Я забилась в угол, а они рычали и готовились. Но тут шел мальчишка, почему-то мне кажется, пятиклассник. Он был здоровый и сильный. Стал размахивать портфелем, а тут еще что-то загудело, громко-громко. Наверно, машина, или что-то еще. Собаки повернулись и убежали спать в другое место. А этому мальчику я очень благодарна. Если он прочтет эту книжку и вспомнит, пусть напишет мне письмо, и я ему отвечу.

Между прочим (можно я сама себя перебыю?), когда я выросла, то стала длинной и хорошенькой. Это я не сама придумала, мне так говорили. Ко мне постоянно подходили молодые люди, чтобы сказать мне приятные слова или оказать какую-нибудь услугу. Улицу к тому времени я научилась переходить сама, но они хотели помочь, поддержать, если по-

надобится, что-нибудь поднести или рассказать про устройство небесных светил, или в кино сходить, мороженое съесть ложечкой. Все это, пожалуйста. И когда я рассказывала историю про собак, всякий раз оказывалось, что это тот самый мальчик, который меня тогда спас, и с тех пор меня все время искал. Они так и говорили: – Девушка, вот поэтому мне кажется, я вас уже где-то видел... А я специально рассказывала, мне самой было интересно, потому что все молодые люди рекомендуются, как исключительно честные и храбрые. И никого не боятся, не то, что каких-то собак. И получалось, что спасло меня тогда человек десять, а может быть и больше. А потом один подошел, и сказал, что это был, наверно, не он, хоть учился именно в пятом классе, но жил в другом городе, и если бы знал, что все так случится, то вскочил бы на паровоз и примчался. И ехал бы быстрее звука, что обогнать гудок от паровоза. Разогнал бы всех собак, а тут бы еще гудок подоспел. Ведь так все и было. И ему я поверила. Но я хочу рассказать о том, как была маленькой, поэтому не буду отвлекаться.

Про сотрясение мозга

Я это или не я? Я постоянно задаю себе вопрос, кем я была, когда росла, и что сохранилось от девочки, которой я была в детстве. Наверно, только нервные клетки. Они не восстанавливаются, какие были, такие и остались, а все осталь-

ные сменились по много раз. И продолжают меняться. Интересно, осталось ли дерево, о которое я ударилась головой, когда летела на санках с горы? Оно, наверно, тоже изменилось. Не нужно ложиться на санки головой вперед даже в вязаной зимней шапке с ушами, все равно может быть сотрясение мозга. Папа мне рассказывал, они стояли на верху горы, пока я съезжала к реке, там было несколько поворотов, и один я не заметила. Я думала, что их три, а оказалось, четыре. Это было обидно, потому что я как раз тогда научилась считать.

А теперь представьте, как все выглядело сверху, зимний лес над тусклым пространством замершей реки, множество верхушек совсем по-зимнему голых деревьев. Мама с папой стояли и любовались, и вдруг одна верхушка опасно зашаталась, будто от сильного ветра, пока другие стояли, как ни в чем не бывало. Папа так и сказал, это наша дочь с разгона врезалась в дерево... Мама возразила: – Не может быть. Она знает, что там четыре поворота, и она хорошо умеет считать... Но папа не согласился: – Я чувствую, это она. Ты же видишь, как зашаталось дерево... И он побежал ко мне на помощь. Потому что это была именно я. Я тогда не настолько изменилась, чтобы меня нельзя было узнать. Это взрослые, если их долго не видеть, постоянно меняются. И удивляются друг другу, если встретятся. Боже мой, вы нисколько не изменились... или: Боже мой, вас совсем нельзя узнать... Хотя про то, *что нельзя узнать*, лучше не говорить. Потому что

у взрослых, то, *чего нельзя узнать*, меняется не в лучшую сторону. А о худшей можно промолчать из вежливости. И даже утешать не нужно в том смысле, как же так... Жизнь – это улица, на которой есть худшая сторона и лучшая. Если чувствуете, что-то не так, значит, вы не на той стороне, перейдите на другую и идите дальше...

Взрослому с ребенком спорить непедagogично, а ребенку со взрослым – неприлично. Но я все-таки хочу передать свои детские впечатления. Тем более, что после удара о дерево я быстро научилась читать и писать. И когда меня хвалили, я честно отвечала. Это последствия сотрясения мозга. Жаль, что я не запомнила дерево, которое мне так помогло. Может быть, еще кому-то пригодится, хоть специально стучать головой об него, даже с разгона не нужно. Важно угадать момент, как я тогда. И учтите – от правил умножения голова растет быстрее, чем от правил сложения. Это я открыла, потому что, как только я выучила таблицу умножения, сотрясение закончилось, и мозг встал на свое место.

Об этих записках

Мы – дети живем рядом со взрослыми до тех пор, пока не станем такими, как они. Сейчас я отношусь к этому положительно, то есть я не возражаю, чтобы немного побыть взрослой, а потом, конечно, вернуться назад к себе, в детство. Все хорошо в свое время. Папа сказал, это неплохая мысль, и он

подумает, чем меня занять на такой случай, например, поручить мне мыть посуду. Я совсем не это имела в виду, но деликатно промолчала. И это я тоже считаю взрослым поступком, который не каждому удастся, взять и промолчать, как будто набрал в рот воды или, еще лучше, *кока-колы*. Все бы сидели с *кока-колой* во рту, добавляли по глотку, и в школах бы стояла ужасная тишина. А учительница стояла бы с открытым ртом и завидовала. Здесь я отвлеклась. Со мной такое бывает, и я стану следить за собой, если, конечно, получится.

Теперь скажу честно, на всякий случай, если будете читать. Здесь есть несколько длинных историй. Так получилось, они не успели вовремя закончиться, как принято у культурных людей, если они не говорят по телефону или им совсем нечего делать. В общем, я предупредила.

И еще, я буду собирать взрослые фразы и вставлять их в эти записки. Я их буду выделять звездочками (***) – это значит, взрослая фраза), каждую с отдельной строки, и вы сможете разобраться сами. Поэтому не удивляйтесь, если в этих записках вы найдете что-то очень умное. Пожалуйста, привикайте, я больше предупреждать не буду. Вот как сейчас:

*** Можно, я сначала прочту почта пробегу, а потом все остальные?

Про сюжет

Мое взрослое Я говорит, что нужен сюжет. Сюжет – это такая веревка, за которую нужно все время держаться. Тот, кто читает, задает вопрос, что будет потом, и это *потом* заставляет его читать дальше. Иначе никто этим заниматься не станет. Самые интересные сюжеты – про приключения и любовь, и совсем ужасные – про преступления и убийство. Про любовь нужно набраться опыта, и, все равно, много не будет, а про убийство – не знаю, я никого не убивала. Даже мысленно. В общем, я буду рассказывать сюжеты. Потом подожду, пока вы прочтете, скажете готово, и мы пойдем дальше.

Удачная ошибка

Красота спасет мир, но, судя по Вашей внешности, это случится еще не скоро...

Папин друг сказал это своей знакомой. Он клянется, что язык случайно повернулся не в ту сторону а думал он совсем наоборот, и еще хотел подарить цветы. Но сказал именно так, как я вам сейчас рассказываю. А знаете, что было дальше?

Его знакомая приняла эти слова очень спокойно и вышла за этого человека замуж. С ним она согласна на то, что есть сейчас, и спешить никуда не собирается. Она даже похоро-

шела...

– Еще больше похорошела. – Поспешно добавляет папин друг и спешит за цветами.

Печальная история королевской любви

Принцессу выдали замуж в другую страну. Очень удачно, потому что такие браки заключаются из самых высоких государственных интересов, и личные желания, всякие любвишь-не любвишь не считаются. Но тут все вышло самым лучшим образом, и молодые люди с первого взгляда влюбились друг в друга. Сейчас бы про них сказали так: поглядите, идеальная семейная пара... повезло людям... Тем более, это были не простые люди, а король и королева... Ездили из дворца во дворец, запускали фейерверки и радовались жизни.

Как-то едут они в карете, играют в *загадай желание*, а желание у них было одно, начиная с самой свадьбы. Быть ближе друг к другу, как только можно. Вдоль дороги люди какие-то стоят, серые на вид и почему-то грустные. Не такие веселые, как во дворце.

Королева розовые губки поджала (она как раз желание угадывала), занавеску на стенке кареты приоткрыла и спрашивает у графа (их всегда граф сопровождал): – Кто такие? Почему стоят?

Граф пригляделся: – Это, Ваше Величество, народ.

– Нар-о-од, – протянула королева, – ой, как интересно.

Спросите, чего они выстроились вдоль дороги так, что плакать хочется, почему не играют в народную игру с шарами, почему шампанское не пьют на лужайке за наше королевское здоровье? Сейчас самое время. Ведь такой хороший день. Правда, милый?

А король поддакивает. Ясно, он согласен, хоть о народе он сейчас не думает. И никто бы другой на его месте не думал, такая королева была красавица.

– Так что же ты, пойди, узнай, а мы подождем. – Говорит королева графу. Тот выпрыгнул на ходу и побежал, побежал, придерживая шляпу, к стоящим вдоль дороги людям.

Одевались тогда замечательно. На мужчинах длинные одежды с фалдами, расшитые золотой и серебряной нитью, панталоны до колен на шнурках, под ними длинные белые чулки, тогда мужчины такие носили, снизу туфли с золотыми пряжками, а сверху парик из натурального волоса, посыпанный пудрой. А у женщин, если просто перечислить, никакого воображения не хватит, одной не управиться, корсет, буквально, лошадьми затягивали (не нашей королеве, а вообще), а из мелочей, которые сейчас не в моде, была длинная костяная палочка с серебряной ладошкой на конце, и можно было, не прерывая сердечной беседы, почесывать спину, если какой-то жук по ней пробежит.

Граф назад торопится. – Ну, чего они встали? – Спрашивает королева.

– Жалуются, хлеба нет.

– Хлеба нет? – Удивилась королева. – Ты слышишь, милый? – Обращается она к королю. – Хлеба у них нет...

– У кого?.. – Спрашивает король, а сам не может оторваться от любимой жены.

– У народа. – Подсказывает граф из-за занавесочки... – У народа хлеба нет.

– Ой, я придумала. – Встряхнулась королева. – Не щекочись, милый. А вы, господин граф, прикажите, пусть кушают пирожные. Так и скажите. Королева велела. Если хлеба нет... – Граф уже сорвался выполнять, но королева его остановила: – Скажите, чтобы с бизе начинали. Это наши любимые пирожные.

Граф побежал, а любящие супруги продолжили играть в желания. Нужно ведь о себе подумать, не только о народе. Но королева не может совсем отказаться от государственных мыслей, сама с собой рассуждает. – Нужно было про марципан посоветовать. А теперь что... Наедятся этим бизе, перебьют аппетит....

И королева оказалась права. Так всегда бывает, если совет хороший. Едут они в следующий раз. Снова разные фигуры вдоль дороги выстроились и стоят. Королева уже знала, что это *народ*, и удивилась. Почему стоят, почему не празднуют? Не понравилось им бизе? Ну, что с этим народом делать? Конечно, марципан. Я так и думала. С него нужно было начинать. Тем более, что во дворце готовили эти марципаны, как нигде. Пальчики оближешь до самих локтей.

– И не забудьте передать, – придержала королева разлетевшегося графа. – Не забудьте сообщить народу, что марципановый пряник лучше употреблять с чашкой белого вина. Тогда он хорошо утоляет аппетит и жажду. Правда, милый?

А король пока сердечными делами занят.

– Ой, не щекочись. – Хихикает королева. – Ой, как смешно, ой...

Но и марципаны, видно, не подошли. Казалось бы, никакого королевского терпения не хватит. Но не такая это была женщина, чтобы равнодушно отнестись к желаниям своего народа. Сама была счастлива, и желала остальных осчастливить. Тем более марципаны самой королеве разонравились. А вот эклеры должны были подойти. Покажите пальцем на того, кто не любит эклеры. Даже если такой найдется, ему не поверят. Скажут, капризничает и притворяется.

Но теперь, чтобы не прекращать игру *загадай желание*, они проезжали, не останавливаясь, и граф кричал прямо из кареты, сложив ладони у рта домиком. – Слушайте, слушайте. Их Величества приказывают всем кушать эклеры.... Слушайте, слушайте...

Люди стояли и слушали, молча. И только эхо вдали отзывалось: Эклеры... клеры... леры... – Видишь, – тянулась королева к своему любимому и делала губки бантиком. – Как это я сразу не догадалась...

Вот так королева помогала возлюбленному мужу править страной, чтобы был в ней мир и благоденствие. Сколько так

продолжалось, сказать трудно. Потом ночью во дворце поднялся ужасный шум, стали ходить, жечь свет, громко стучать, пока не добрались до королевской спальни, и король, как был в ночной рубахе и колпаке, пошел открывать.

Пришло сразу много разных людей. За порогом кричали, шумели, а теперь притихли, дошло до них, здесь им не место. Время, как будто замерло, и готово было повернуть назад, в прошлое. Так бывает в редкие минуты, которые называются – *исторический момент*. Казалось, люди вот-вот исчезнут, но тут кто-то неизвестный в плаще (лица не было видно) выступил вперед. И время двинулось дальше.

– Гражданин и гражданка....

На что король ответил: – Здесь таких нет. Здесь только наши августейшие Величества.

Он правильно сказал, но люди зашумели, и теперь, топая башмаками, пошли вперед, оставляя комья грязи на дорогих коврах. Обступили короля, пытались схватить, но который в плаще призвал к порядку. Потому что *этого гражданина*, такого же, как все они (подумать только!), нужно взять под стражу и судить. К королеве, однако, никто приблизиться не посмел, хоть женщины из толпы кричали, что именно она во всем виновата. И даже пирожные вспоминали совсем не так, как того хотела королева. Это удивило ее больше всего.

– Выйдите. – Приказала королева, говоря о себе, как положено, в третьем лице. – Королева должна одеться.

И они вышли. Прибежала испуганная служанка, и коро-

лева явилась народу.

– Теперь я готова.

К ней подступили с оскорблениями, опять назвали *гражданкой*. Видно, самим нравилось. Королева выслушала спокойно. – Все ваши обвинения мы с моим августейшим и венценосным супругом отвергаем. А вы скажите: какие вам пирожные больше всего понравились: бизе, марципан или эклер?..

Видно, никакие, потому что решили вместо благодарности их судить. Но какой может быть суд, если сила, право и народный энтузиазм в одних руках? И вынесли смертный приговор. Повезли влюбленных (это важно здесь подчеркнуть) на эшафот посреди площади. Народ сошелся, бушует. Возле телеги бежит художник Давид, спешит сделать с королевы последний рисунок. Рядом еще человек суетится. Что-то примеряет, прикидывает.

Это видный изобретатель – месье Гильотен, собственной персоной. Волнуется, хочет, чтобы все прошло хорошо. Он изобрел машинку для срезания головы с плеч, чик и готово. Трудился, спешил и успел в срок. Молодец. Уложили короля на смертный помост, сунули шей в выемку внизу этой машинки, специально месье Гильотен придумал, чтобы голова лежала ровно и не вертелась. Король и не думал вертеть, отыскал глазами королеву, она неподалеку была, ждала своей очереди. Встретились они взглядами, и королева спрашивает, как прежде, когда мчались они в карете, и жизнь каза-

лась длинной-длинной: – Загадал желание?

Король одними глазами отвечает: – Загадал. Хочу, встретиться и больше никогда не расставаться. Никогда, никогда...

– Об этом не беспокойся. – Говорит без слов королева. – Я догоню. Месье Гильотен поможет. Оглянуться не успеешь.

Хорошо, когда есть, чем оглядываться. Сверкнуло лезвие, сработала машинка, отлетела королевская голова и покати-лась с помоста в корзину. Люди закричали от восторга. Что за славный денек! А ученые бросились поздравлять своего коллегу господина Гильотена с замечательным изобретением.

Подошла очередь королевы. Что-то она сказала палачу, но из-за шума не было слышно. И улеглась головой на то самое место, мокрое от крови своего возлюбленного супруга. И еще раз блеснул страшный нож. И ахнула толпа...

Потом королевские головы сложили в корзину, они смотрели друг другу лицом в лицо, и глаза были будто живые. А палача застали за странным занятием, он накупил пирожных, бродил по городу, жевал, вытирал губы от крема и крошек и повторял последние слова королевы:

– Нужно было с бисквитных начинать. Тогда все было бы хорошо.

Если вы прочли, скажите: *Готово*, и пойдем дальше...

Зануда

У меня была подруга. Она любила спорить, вернее, мне возражать, хоть я была совершенно права. Можете поверить. И я как-то сказала. – Не будь занудой... А она обиделась: – Я – не зануда. Я, может быть, бываю мрачная и обидчивая, но я не зануда...

И теперь, если мы спорим, я говорю: – Может, ты хочешь немного побыть мрачной и обидчивой? Начинай... И она становится мрачной и обидчивой. Но только не занудой...

Кстати, я любила себя называть Любимой дочерью Монтесумы. Монтесума был королем древних индейцев, и так спрятал свои сокровища, что до сих пор их не могут отыскать. Хотя желающие есть, можете мне поверить. Эти древние индейцы ели много чечев-ицы, и ко всяким другим словам тоже добавляли *ица*. Это вроде нашего *хорошо*. И когда мне говорят, из-за математики особенно: – Ты – тупица... я быстренько добавляю: – Ага, Туп-ица. Любимая дочь Монтесумы... Когда найдут сокровища, я буду первая, но об этом лучше не говорить, потому что появится много желающих, стать туп-ицами, кроме тех, что уже есть, как я по математике. Или даже больше...

Хорошо сказано

Будь я растением, я бы росла в три раза быстрее и цвела перед школьными каникулами.

ИМЕЙТЕ ВВИДУ. Даже людоед должен есть культурно.

От противного

Еще про математику, чтобы я потом не забыла. Там есть такое доказательство – от противного. Я не против, но только чтобы этого *от противного* было не слишком много. А то некоторые доказательства хуже, чем рыбий жир.

Близко к педагогике

Не надейтесь, что вас послушают, даже если вы станете называть комара *комариком*. Есть другие способы убеждения.

Про сюжет

А теперь пора вернуться к сюжету. Какой у воспоминаний может быть сюжет, когда я сама себе сюжет, стоит только поглядеть в зеркало. Поэтому я иногда смотрю в него или мама подведет меня и скажет: – Погляди, какая ты хорошенькая...

Вот вам и сюжет, первое, второе и третье, от котлет до конфет.

*** Урод, конечно, но симпатичный.

Как было летом

Летом, как известно, наступает пора стрекоз, бабочек, разных жуков и пчел, в общем, всех тех, что летает, кроме, конечно, птиц, которые летают отдельно и выше. Получается, что с насекомыми мы – дети знакомимся в первую очередь. Наверно, потому что они больше подходят нам по размеру И еще, потому что из них можно составлять коллекцию. Почему-то считается, что насекомых не так жалко. Я проверяла себя и спрашивала – жалко или нет, и получалось, скорее нет, чем да. Особенно, комаров, и я еще подумаю, кого. Когда мы с подругами показывали друг другу свои коллекции, то как-то не думали, кого здесь жаль. Бабушка принесла с работы эфир или хлороформ, и я их усыпляла. Вообще, бабочек ловить легче, а стрекоз труднее. Их много на пруду, в тех местах, где этот пруд зарос всякой травой и другой растительностью. Там эти стрекозы прямо стоят над водой. Чаще – черные или синие, а иногда попадаются огромные, буквально, в несколько раз больше остальных. И ловить их трудно, нужно неслышно подойти и взять осторожно двумя пальцами, так чтобы стрекоза не успела ничего понять. И потом еще некоторое время чувствуется, как она трепещет в пальцах, и как-то потрескивает. А иногда они сами падают в воду и больше не могут взлететь. Бабочки, конечно, выглядят веселее. У меня было несколько: капустница, махаон, а

остальных я видела потом в музеях. Капустница была очень скромная, я только потом узнала, что от нее может быть вред, а до этого мне казалось, более безобидного существа природа просто не придумала.

У нас рядом были *государственные дачи*, так они назывались, нужно было пройти сквозь дачу моей подружки Светки, потом через дорогу, а с другой стороны шел большой деревянный забор. Но мы знали там дырки и свободно через этот забор проходили. Дальше можно было идти свободно, на нас – детей никто внимания не обращал. Вот там был этот пруд со стрекозами. Были и другие, в разных местах, но там был самый большой, даже лодки по нему плавали. Еще был магазин и летний кинотеатр, два раза в неделю туда все ходили и с обычных дач тоже. Первый сеанс был детский, я помню, вокруг уже темно, и только экран светится...

Вообще, в нашей природе много белого, на что можно обратить внимание. Это необязательно, но что-то тут есть. Снег белый... белые березы... белые бабочки...

Про молочник

Мама может тереть молочник минут пять или даже десять. Иначе, говорит она, молоко присыхает и избавиться от него потом трудно, даже если замочить молочник с вечера. Послушаешь такое, и можно узнать много полезного. И самой что-нибудь придумать. Я посоветовала маме тереть мо-

лочник не изнутри, а снаружи, как лампу Аладина. Тогда из молочника появится Белый Дух и выполнит желание, например, выпить какао. Самое интересное, мама так и хотела. Только закончит тереть изнутри и станет тереть снаружи.

Про детскую грусть

Все мы меняемся в связи с разными причинами, и, конечно, с возрастом. С возрастом не поспоришь. Другое дело, малозаметные на вид события, которые, казалось бы, не оставляют следа и не числятся в анкетных (так они называются) данных. Что-то происходит неприметное, почти не запоминается, стирается из памяти. Вызывает недоумение, что же все-таки это было? Вроде бы, ничего особенного.

Ребенок должен немного грустить, чтобы не вырос эгоистом. У нас в квартире были широкие подоконники. Я вставала на стул, влезала с ногами на подоконник и смотрела в окно, как садится солнце. В том месте между домами, куда оно садилось, было пусто, и я видела, как солнце уходит под крыши, сползает понемногу по стенам, а потом совсем прячется. В этом месте и выше, над домами остается закат, это солнце прощается с нами из-за горизонта. Я смотрела на закат и грустила.

Поправка к астрономии

А однажды, это было, когда я уже начала ходить в школу. Осенью светает поздно, а темнеет рано. Просыпаться и выходить из дома совсем не хочется, тем более в школу. Я пила чай и слушала радио, откуда несли всякую чепуху. Оказывается, астрономы предлагают исключить из числа планет Плутон, потому что он маленький и очень далеко.

– Так вот, я предлагаю, – сказала я громко, – если еще будет такая погода, исключить солнце из числа светил... Я тогда погорячилась, поэтому мое предложение не прошло, и все осталось, как было. Но это пример, до чего можно довести человека...

Мудрое правило

У французов в прежние времена было правило. Если больной умер, то, в первую очередь, оплачивают счета гробовщика, и только потом – врача. Это справедливо, но выглядит как-то мрачно. Зато, если больной выздоровел, врач радуется и бежит за деньгами, а гробовщик огорчается и уходит ни с чем. Так тоже может быть.

А по виду не скажешь

Женщины сплошь и рядом пользуются словом *безумно*. Ах, я *безумно* устала. Я *безумно* хочу есть. Мне это стоило *безумных* усилий. Чаще других этим словом – *безумно* пользуются семейные женщины средних лет – труженицы и хранительницы семейного очага. Все хорошо. Но что-то их тянет к этому слову.

Стишок

А теперь, как вам понравится этот стишок. Я просто сидела, сидела... и написала. Но он подходит к моему характеру, писать для меня – настоящее мучение. И эти записки даются мне с трудом. Просто бывает так, что сказать легче, а промолчать труднее, даже если прикусить язык. Только не подумайте, что это обо мне, это стихи для взрослых, по крайней мере, для тех, которые испытывают угрызения совести, что *не дают о себе знать* (это они так пишут) и не шлют поздравительных открыток.

о, если бы для слов
существовал роддом,
я бы сняла отдельную палату,
и в будничные дни, и в праздничные даты

рожала бы тебе, мой друг, о том, о сём...

Еще стишок

Написала и сразу стало легче. А теперь, пока я не прикусила язык, выскажусь еще раз, на эту же тему. Можно представить, что это говорит китаец или китайка, глядя из окна своей фанзы, когда не спится. И в их голове бродят туда-сюда всякие прекрасные мысли и воспоминания.

Плывет по волнам челн,
и в облаке луна,
а за окном царит волшебница весна,
уже на клене распустились почки,
лишь я не в силах написать ни строчки.

Мне сказали, что стихи хорошие, и я с этим согласна. Интересно, что бы вы сказали, если бы я писала иероглифами. Я нарочно эти стихи сюда вставила, потому что при чтении нельзя пропускать описания природы. Дальше стихов не будет, конечно, если я не передумаю, а пока можно читать спокойно.

*** Вот так встреча... (говорит лиса курице). – Кого я вижу пред собою! И на бульон, и на второе!

Если хотите, можете заменить «второе» на «жаркое». Я не

знаю, кто как любит, выберите сами.

Сон про льва

Представьте, у меня был сон. В этом нет ничего удивительного, хоть сны бывают разные. Есть специальные книги, чтобы делать из снов правильные выводы, а не пугаться непонятно чего или радоваться попусту. Детям часто снятся сны, им читают на ночь разные истории или включают мультики. Я не исключение.

И все равно удивительно.

Иду я одна очень далеко от нашего дома, даже приблизительно не знаю где. По-видимому, я в пустыне. Кругом песок и впереди пальмы, машут под ветром метелками.

Чувствую, за мной кто-то вышагивает.

Оглянулась – лев. Большой опрятный лев, видно, взрос-

лый. И никого больше, только я и он.

Я недавно прочитала книжку Джой Адамсон про львов, много чего про них узнала, и все равно большой радости не почувствовала. Не знаю, как бы вы поступили, если бы вам такое приснилось, но я решила начать первой.

– Извините, почему вы все время идете следом за мной? Я могу вас пропустить вперед. Идите себе, а я пойду сзади. Или вообще отстану.

– Вы не волнуйтесь, – говорит Лев (по случаю личного знакомства я буду писать его имя с большой буквы), я вас охраняю. Должен вас предупредить, здесь много ползает, бегаёт и летает всяких опасных субъектов, но, пока я рядом, они вас не тронут. Потому что, если вы знаете, я – царь зверей.

– Приятно познакомиться. Но, если честно, я тоже вас опасаюсь.

– Это совершенно напрасно. Мы – львы едим один раз в три дня. Как раз вчера я хорошо поужинал и совсем не голоден. Не бойтесь, мы прекрасно проведем время.

– Я рада за вас. А что потом? (– На третий день. – Подумала я про себя.)

– Потом... потом... Мы – звери так далеко не загадываем. А чтобы вы хотели?

– Я бы хотела, чтобы вы были вегетарианцем и питались растениями. Как, например, жираф.

– Этого я обещать не могу. И вообще. – Лев подошел ко

мне совсем близко, и моя голова оказалась рядом с его пышной гривой. – Вы видите этот шрам?

Я видела, даже не шрам, а большой и ужасный рубец через всю спину.

– Как я могу быть вегетарианцем, пока наш мир так коварен и жесток? Представьте, какой-то негодяй стрелял в меня. Я после дневного сна делал приседания на задние лапы. Он хотел меня убить. А когда увидел, что я направляюсь к нему, вскочил в машину и удрал. Подлый трус. Вот кого бы я хотел встретить даже на полный желудок. Я не люблю жаловаться людям, но тут пришлось. Джой Адамсон лечила меня весь сезон дождей. Вы бы видели меня прежде. Я был редкий красавец. Джой Адамсон рекомендовала мою шкуру Британской Академии. Из нее бы сделали памятник. Я бы стоял в Палате Лордов. А что теперь? Коврик на стену? Я не могу спокойно думать об этом.

– Я вам очень сочувствую. Но зачем вы едите сырое мясо? Это вредная привычка. Попросите Джой Адамсон, она сделает вам овощные котлеты с пюре. Вам понравится.

– С пюре? Я согласен. Мне кажется, я его знаю. Такой низенький толстячок со стеклышком в глазу. Он приезжал в прошлом году, ходил с важным видом. Что-то искал. Но Джой Адамсон меня просила, я его не тронул. Хоть он повсюду светил своим стеклышком. Мы – львы этого нелюбим.

– Вы путаете. Никакое не пюре. Это был месье Пуаро. Знаменитый сыщик. Эркюль Пуаро. Он сам, кого хочет, съест.

– Позвольте мне самому судить, кто кого съест.

– Не обижайтесь. Я только предупредила, вы можете подавиться. Особенно этим стеклышком.

– Спасибо за предупреждение. Сейчас в пустыне много стекла. Люди не умеют пользоваться дарами природы. Мы – звери так себя не ведем, и кости после еды складываем отдельно. Кто-то еще сможет поужинать. Но людей это не интересует. Вокруг что-то копают, ищут. Думаете, легко быть царем, когда такое творится?

– Может быть, потому, что вы – хищник?

– Иначе нельзя. Кто-то должен следить за порядком. Или вы хотите, чтобы это был носорог?

– Вообще, я об этом не думала...

– Представьте себе, есть желающие. Не успокоятся, пока последний оазис не вытопчут.

– А как насчет бегемота? Солидный мужчина. Женщинам такие нравятся. На животе швейцарские часы носил, но из болота смотреть неудобно. И вегетарианец к тому же.

– Вот именно. Залезет по шею и стоит...

– Я еще маленькая, но насчет бегемота я бы подумала...

– А как остальным? Когда закончится сезон дождей, и ветер погонит ржавую пыль, что тогда? Губошлеп. Потому и нравится. Пересидит на содержании в зоопарке, у бегемотов всюду знакомства. Завтрак ему подавай, пока солнце не встало. Мне рассказывали...

– А кто вам мешает?

– Гордость. Мы – львы не станем жаловаться, мы будем стоять до конца. Пусть выходят один на один.

– Это вряд ли.

– Я знаю. – Лев тяжело вздохнул. – Такого храбреца съел мой дедушка. Сам виноват. Ведь предупреждают, от запаха жареной антилопы мы – львы сходим с ума. А этот расхвастался перед женщинами.

– А женщин дедушка тоже съел?

– Что вы! Нет, женщин мы не трогаем. Возьмите Джой Адамсон. Хоть она ходит в брюках... Со спины можно спутать. Но все знают ее любимые духи. Они отвратительны.

– Духи? Вы уверены?

– Абсолютно. Ей специально присылают из Парижа. Вы не поверите, женщины брызгают ими за ушами. Комары удирают на верхушку пальмы, зато мужчин от этих ушей не оторвать.

– А что Джей Адамсон сказала про вашего дедушку?

– У дедушки был нервный срыв. Это с каждым может случиться. Но вообще, мы – львы, умеем ценить человеческое благородство.

– Это очень хорошо. – Поддержала я. – Посмотрите, какое на мне красивое платье. – А про себя подумала. – Осталось меньше двух дней. Пора просыпаться. На всякий случай.

Как мамину подругу учили музыке

Мамина подруга когда-то была очень необычный ребенок, она помнила себя с двухмесячного возраста. Раньше, чем Лев Толстой, который тоже отличался выдающейся младенческой памятью. Просто Лев Толстой успел потом все это записать, а мамина подруга пока только рассказывает. Помнит, как она лежала в коляске и глядела в белый потолок и на всякие погремушки, а если скосить глаза на нос, то был виден резиновый кончик соски. Все это запомнилось очень отчетливо. Однажды белый потолок закрыла черная голова и женский голос скомандовал: – Девочку пора крестить...

Крестили мамину подругу в три месяца, это известно точно, а теперь представьте, когда она должна была слышать голос? Потому и выходит – два месяца.

Крестная появлялась нечасто, но всегда командовала. Когда маминей подруге было три года, крестная попросила ее спеть, пощупала железки на шее и объявила, что ребенка нужно готовить в музыкальную школу.

И объяснила так. Пусть учится. Лишний кусок хлеба не помешает...

Именно так и сказала про лишний кусок. Тогда это было не совсем понятно, но потом выяснилось.

Мамина подруга шла со своей мамой. У входа в парк сидела старушка, на коленях у нее был белый платочек, а на

нем куски хлеба. Старушка отламывала понемногу и отправляла хлеб в рот. Рядом на ступеньках лежал еще один платочек. И на нем тоже кусочки хлеба. И тогда мамина подруга догадалась. В три года это была очень умная девочка. Она сказала своей маме: – Наверно, эта бабушка закончила музыкальную школу.

А ее мама добавила: – И консерваторию тоже... И стала открывать кошелек...

Про маслины

Как-то я пошла с родителями на *Сельскохозяйственную выставку*. Мы хотели поглядеть на разных домашних животных. Коров и свиней в городе увидеть трудно, и на даче рядом с нами их не было. На выставке родители расширили мое представление о природе и полезных для человека животных. Мы долго ходили взад и вперед, пока у всех не появился аппетит, и мы пошли в ресторан. Там папа заказал обед, и нам принесли борщ. А на дне этого борща лежали такие... не знаю, как сказать... размером в большую черную фасоль. Я раньше борщ ела, но ничего такого в нем не находила. Оказалось, маслины. Родители тоже удивились, а папа догадался, что это передовое достижение в области изготовления борща и за него повару дадут орден. Родители все съели, а я не смогла. Маслины мне показались горькими, солеными и, главное, непонятно зачем. Наверно, их положили по

ошибке, или пошутили, когда повар отвернулся. Так я тогда подумала. И еще с косточками, можете представить? Лучше их в компот положить, по крайней мере, не так заметно. Тет-ка Ленка меня тогда похвалила. Хорошая идея, она обяза-тельно так сделает.

Потом я маслины ела много раз и их полюбила, но это бы-ло потом, а первое знакомство оказалось преждевременным. Так часто бывает, взрослые любят одно, а мы – дети другое. Конечно, и другие дети, кроме меня, пробовали маслины, но чтобы кто-то их сразу полюбил... я такого не знаю.

Про Вермеера

Вы такого художника знаете? Дядя Коля говорит маме: – Если бы Вермеер жил в 21 веке он нарисовал бы тебя застыв-шей у открытого холодильника. Белая дверца, серьезное ли-цо в профиль, ты глядишь в глубину...

– А кто такой Вермеер? – Это я спрашиваю.

– Художник 17-го века. Его любимый сюжет – женщины в ожидании. Ждет, например, письмо. Высматривает. Ожида-ние полно надежды. Это образ такой.

– Если про *Кока-Колу*, я согласна.

– Пора, кстати, и о нас с дядей Колей подумать. – Говорит папа. – Что там у Вермеера холодненького под селедочку?

Судьба ученой

Одна девочка была очень любознательной. Она часто задавала разные вопросы, и даже взрослые люди не знали, как на них ответить. И говорили, это большая редкость. Ребенок будет большим ученым.

Однажды, когда девочке было четыре года, она сидела со взрослыми за столом и вдруг спросила: – А что будет, если смешать чай и кофе?..

Как раз разливали по чашкам. Кому что. Никто про это не задумался, а она задумалась. И очень сильно.

Потому что, представьте, все сбылось. Девочка стала большим ученым. Много ездила с конференции на конференцию, делала доклады, стала известной. И когда ее спрашивали, какой вопрос она считает для себя главным, не сейчас, а вообще, чтобы самой жизни не хватило, она твердо отвечает: – А что будет, если смешать чай и кофе?

Вид с нашего балкона

Прямо против нашего дома была больница. Отгорожена от улицы забором, но с шестого этажа, где мы жили, можно было наблюдать, что там внутри. Это было, когда я научилась сама выходить на балкон. Вместо перил стояли пузатые

столбики, похожие на кегли, те, что были посреди, осыпались, и образовалась дыра, в которую можно было просунуть голову. Мою голову можно было просунуть, туда и назад, совершенно точно. Я этой дыры совсем не боялась, но мне все говорили, чтобы я не высовывалась. И предупреждали, а то упадешь. Как будто голова могла перевесить руки, ноги и все остальное. Я уверена, что нет.

Папа хотел дыру заделать, но, пока он собирался, голова немного выросла и стала в дыре застревать. Взрослые примерили, убедились, что голова наружу не проходит, и успо-

коились. Но до этого смотреть в дыру было опасно, а дотянуться до перил, чтобы заглянуть через них вниз, я не могла. Одной мне на балкон выходить не разрешали, только с папой и мамой, тем более, они сами предлагали, выйти и подышать свежим воздухом. Так это называлось. Не знаю, какое им было удовольствие от свежего воздуха, потому что я крутилась у них под ногами и, как курица зернышки, по крупичкам подбирала новости, что там видно. В дыру больничный двор был виден лучше всего. Все здания больницы стояли вместе, и только один маленький домик был отдельно. Везде шла своя жизнь, бегали люди в халатах, и только возле домика было всегда пусто. Что там? Я помню, взрослые затеяли разговор, сказать мне или нет. Мама говорила, что можно, а папа сомневался. Он, как потом выяснилось, волновался за мою психику. Теперь я думаю, он был прав, а что я думала тогда, вспомнить не могу. Тогда мне объяснили, что в этот домик прилетают ангелы, но чтобы я больше туда не смотрела, потому что ангелы не любят, когда за ними наблюдают. Я, ведь, не люблю, и они не любят. Поэтому много на эту тему я не говорю, это само из головы вырывается. Смотреть я не могла, и, чтобы запомнить, как следует, нарисовала этот домик, повесила у себя в комнате, и собиралась подарить нашей воспитательнице (о ней я еще расскажу) на день рождения. Но папа с мамой обиделись, что я уношу такой замечательный рисунок из дома и просили подарить им, причем сразу, потому что нет сил ждать ни ми-

нуты. Так сильно хочется. Мне не жаль, но больше я своего подарка не видела. Потом я пошла в первый класс, оттуда во второй, и все постепенно объяснилось.

Про моих предков и альта

Сейчас среди детей принято, называть родителей *предками*. Я совсем не против, если меня когда-нибудь станут так называть. Дедушка мой, как я его помню, большую часть года проводил в экспедициях, и возвращался к нам только зимой. Вот он и был настоящим предком, если можно такое вообразить. Дедушка заползал в квартиру, как заползает медведь в берлогу, и отлеживался до весны, а потом уползал в новую экспедицию. Хотя жили мы в квартире, которую наше государство (тогда оно называлось *Родина*) дали деду за то, что он открыл крупнейшее месторождение в Сибири. А нам он привез немецкую овчарку по кличке Альт. Это была злющая собака, которая постоянно должна была что-то охранять, а у нас было нечего, только мамину шубу от моли. Но в моль нельзя, как следует, вцепиться, а щелкать зубами просто так Альт не хотел. Еще чего, так он думал. Вообще, большие собаки не понимают шуток. Учтите, это мое личное наблюдение, и я его повторяю ниже, чтобы не забыть...

Альт не знал, чем себя занять, и, пока жил у нас дома, находился в дурном настроении. Никого, кроме дедушки, он не признавал. Видно, он решил его охранять от нас, хотя

на дедушку никто не нападал. Перед приходом гостей Альта закрывали в отдельную комнату и не выпускали. Я думаю, Альт считал, что среди гостей находятся нехорошие люди, которых он должен задержать, и сквозь запертую дверь требовал, чтобы они предъявили документы. Гости это понимали и терпели, они любили папу и маму и, наверно, меня впридачу хоть меня еще любить было не за что, разве что в сравнении с Альтом. Вокруг говорили, что Альт умный, но тогда я так не думала, потому что ум не сочетается с дурным характером. Но сочетается с чувством долга, так я думаю сейчас, и, возможно, Альт был предназначен для исполнения своего долга. Потом я узнала, что его, по-видимому, звали не Альт, а Хальт, что в переводе с немецкого значит *стой*. Тогда немецкие слова, такие как *хальт* у нас очень не любили, можно только представить, если бы на улице кто-то стал громко кричать. *Хальт. Хальт.* Если бы милиционер стал свистеть, и то было бы лучше. Но то, что Хальт стал Альтом, конечно, отразилось на его характере не самым приятным образом. Наверно, дед считал, что нам слишком хорошо живется в сравнении с его экспедицией, и Альт должен всем показать, как это бывает, когда вокруг дикие звери и северное сияние. Если так, я не согласна. Папа и мама тоже были геологи и постоянно ездили в какие-то экспедиции. Это к тому, что (прошу заметить) я росла самостоятельно, и это отразилось на моем характере так же, как у Альта, только в лучшую сторону.

Бабушка была биологом. Она никуда не ездила, но много времени проводила на работе. Она занималась наукой и работала с мышами. К мышам, я знаю, у людей отношение неприятное, потому что они портят урожай. Но не все. Есть такие, что предлагают себя для всяких опытов, чтобы помочь людям справиться с болезнями. Это белые мыши, которые жертвуют собой, пока серые мыши едят народное зерно и наслаждаются жизнью.

Конечно, сейчас, когда я это записываю, я знаю про жизнь намного больше, чем та трехлетняя девочка (ребенок), которая наблюдала мир с балкона нашей квартиры и задавала разные вопросы. Теперь я умею писать и даже, как это говорится, *оформить мысль*. Но та прошлая девочка постоянно напоминает о себе и требует, чтобы я с ней советовалась. Так что я пишу сразу для всех, а это гораздо труднее, чем писать только для одного возраста.

*** Большие собаки не понимают шуток.

Про жизнь в академическом доме

Наш дом назывался *академическим*, там проживало много видных ученых и кому-то из них (видно, самому ученому) пришла мысль организовать из нас детский сад. Чтобы мы были, как говорится, *всегда перед глазами*. Честно говоря, я не знаю, что за удовольствие, держать нас перед глаза-

ми, но волнения от того, что нас нет перед глазами, то же было немало. Тот ученый, кто это придумал, был, наверно, философ и выбрал меньшее из двух зол, хотя, как их измеряли или взвешивали, где меньше, я хотела бы посмотреть. Было нас человек пять или семь. Не потому, что я не умела считать, просто мы менялись, старшие дети шли в школу, а снизу прибывало молодое пополнение. В этом самодеятельном саду я провела несколько лет. Наверно, могло быть хуже. Когда растешь, нужно постоянно что-то делать, и важно, что бы это нравилось и шло на пользу. Мы постоянно что-то клеили, делали какие-то коробочки, что-то лепили. И готовили спектакли. Я, например, играла фею. У меня была черная шаль и большой веер. Ко мне подходил мальчик из нашей группы, становился на одно колено и спрашивал, что мне принести: сладкую воду или мороженое. Отвечать должны были все дети. И это было очень кстати, потому что мальчик коленом наступил на мою шаль и, когда я захотела встать, то чуть не задохнулась. Мама сказала, что, когда я рождалась, у них в палате был случай обвития пуповины. Я тогда родилась нормально, и мама легкомысленно считала, что так будет всегда...

Надеюсь, вы поняли. Вообще, когда растешь, многого не замечаешь, вернее, не успеваешь замечать. И все время что-то меняется, из старых впечатлений вырастаешь, как из детского пальто. Лучшее всего я это замечала по елочным игрушкам. Они исчезали на год, а когда я успевала их забыть,

они появлялись снова. Это было, как бы, мое прошлое. Потом во взрослой жизни позади остаются целые поезда, набитые впечатлениями и воспоминаниями, можно выбирать, хоть далеко не всегда хочется. А пока это была маленькая тележка, заполненная разноцветными шариками, блестящими гирляндами, и электрическими лампочками. И я смотрела на них взрослыми глазами, ведь я на год становилась старше, представьте себе, а они оставались прежними. Я шла дальше, а они отправлялись в коробку и куда-то на шкаф.

Вообще, это было удовольствие. У нас дома было несколько стеклянных птичек, которых нужно было посадить на ветки, защебив им хвосты. Там они сидели спокойно до тех пор, пока елка не начинала осыпаться, и ее нужно было выносить. Птичек я снимала под наблюдением папы, потому что сломать их стеклянный хвост ничего не стоило. Но папа боялся не за птичек, а за меня, елка была высокая, я становилась на стул и еще на цыпочки, а папа держал меня за талию, как балерину.

Наш детский сад собирался по очереди в чьей-то квартире, потом нашли пустую комнату под лестницей, сделали ремонт, и нас перевели туда. Воспитательница у нас была замечательная. Жаль, что я про нее мало знаю, только про добрый характер. Она жила у кого-то в нашем доме на правах *бедной родственницы* или немного лучше.

Сама она имела благородное воспитание. Как сидеть за столом, культурно себя вести, и, вообще, *хорошие манеры* я

получила от нее. Дома специально никто моим воспитанием не занимался, и я рано научилась жить самостоятельно.

Часто мы ходили гулять в парк. Это был один из самых знаменитых городских парков. С одной стороны, всякие аттракционы, громкая музыка, а с другой – очень чистенький и культурный лес, по которому можно было гулять. Зимой в парке заливали каток, там катались кругами, а кто не хотел, выезжал на длинную аллею и носился, будто это канал, где-нибудь в Голландии. Про Голландию я узнала позже и тут же подумала, что так можно уехать далеко-далеко, куда-нибудь в другой город, например, Ленинград или Житомир. А можно было доехать до озера, в котором жили утки. Они жили там круглый год, и мы ходили кормить их хлебом. Зимой во льду специально для уток проламывали лед, делали полыньи, и утки в них плавали, а от мороза укрывались в домиках, которые стояли на берегу. Домики были такие, как для собак. Уток это устраивало. Обстановку внутри домика я не видела, но думаю, ничего лишнего, только, чтобы погреться. В этом домике утки отдыхали, потом возвращались к воде, шли организованно, никуда не спешили и громко кричали, когда пускались в плавание. Наверно, от удовольствия.

В парке были две замечательные поляны. Они специально были устроены для любования природой и назывались: *Кашитановая* и *Розовая*. Представьте себе совершенно ровную площадку размером чуть меньше футбольного поля. Правда, производит впечатление? Можете представить, как мне

здесь нравилось, когда я была маленькой. Вся Каштановая поляна была засыпана розовым песком и обсажена каштанами. Я пишу так подробно, потому что в детстве я любила собирать каштаны, когда осенью они, шурша, летят сквозь редкую листву и падают в дождевые лужицы. Карманы у меня были набиты каштановыми чешуйками, а сами каштаны я считала чудесным подарком природы. Они были блестящие и коричневые. Говорили, жаль, что у нас их нельзя есть, а те, что растут во Франции можно. Но я никогда об этом не жалела. Много лет спустя я побывала там, где едят каштаны. Их жарили на металлическом подносе, а усатый человек передвигал с места на место, чтобы не подгорели. Передвигал он их лопаткой, это было серьезное занятие и мне почему-то представилось казино. Там тоже орудуют такими лопатками. Я в кино видела, а в казино мне совсем не хочется. И совсем не потому, что нужно для этого иметь платье с открытой спиной. Спина у меня всегда была хорошая и такая осталась. Просто мне не хочется в казино. Честное слово, я никогда не жалела, что наши родные каштаны нельзя есть. Говорят, в таком виде они бесполезны, ну и пусть. Должно быть в природе что-то такое, на что человек не разевает рот.

Другая поляна была розовой, потому что засажена была розами, кусты шли линиями с углов до центра площадки. С розами мне тогда не везло. Летом, когда они цвели в полную силу, меня увозили на дачу, а зимой розовые кусты плотно укрывали, заваливали еловыми ветками, и так они зимовали.

Не могу сказать, что о розах я тогда получила исчерпывающее представление. Дома у нас часто стояли розы, а потом мне их дарили, но мне жаль, что я не могла подойти, когда я была одного с ними роста, поговорить с ними и послушать, что они мне скажут.

На даче

Меня отправляли на дачу, ехать со мной было некому, все у нас работали, а девочка в пять-шесть лет не может долго жить одна. Поэтому со мной отправляли женщину, тогда говорили – няню. Честно говоря, она мной не занималась, только кормила. Но и это важно, ела я хорошо. Няня маме так и говорила, когда они с папой приезжали в пятницу вечером: ваша дочь ела хорошо и просила добавку. Я всегда ем хорошо, если не мешают. В остальное время я делала, что хотела, а вечером няня отправляла меня спать, то есть оставляла одну в пустой комнате и гасила свет. Представьте себя в пять-шесть лет, когда лежишь одна в темноте, кругом ходят всякие чудища, громко скрипят и совсем некого позвать. Недалеко от нас шла электричка. Вначале ее не было слышно, только вокруг все начинало скрипеть и шевелиться. Электрички шли навстречу друг другу, и, как только успокаивалось с одной стороны, начиналось с другой. Не могу сказать, чтобы это было весело.

Про Ленкин ум

Один человек признался Ленке (я о ней еще напишу): – Я люблю твой ум вместе с прической... Вы бы обиделись? Ну, и глупо...

Что там в Амстердаме?

Папа слушал, слушал про политику и говорит: – Ну, и нравы. Какой-то квартал терпимости, почище, чем в Амстердаме... Мама зашипела, как масло на сковородке, и глазами показала на меня. Это у них условный знак: Внимание! Ребенок слышит. После этого мама становится очень доброй и вежливой, будто извиняется за то, что попало мне в уши.

У нас тогда была учительница, какая-то странная, она что-то себе все время бормотала. Скажет, подумает, а потом говорит нам, детям: – Можете не записывать, это запоминать не нужно...

Я не записывала и не запоминала, но зачем ходить в школу, если не записывать и не запоминать. Я дома так и сказала, но папа объяснил, нужно ходить из-за того, что остается в голове. Я немного подождала и спросила, что у меня может остаться в голове от *квартала терпимости*. Папа стал оглядываться и удивляться, не может быть, чтобы он так сказал...

А откуда, извините, тогда я узнала? Я после уроков *на улице* не оставалась (это мама так говорила: нечего тебе делать *на улице*). Там дети узнают разные слова, и я могла бы спросить про этот квартал. Но я, как приличный ребенок, шла прямо домой. В общем, никто мне тогда ничего не объяснил. Ленка, наверно, знала, но она была на практике, а потом я забыла, как видите. Не совсем, а на время...

Про мытье головы

Мама мне как-то говорит: – Идем мыть голову... А папа подвернулся и добавил: – И снаружи тоже...

Про принцесс

Здесь у меня сразу несколько мыслей, поэтому не обижайтесь. Жила-была девушка такой красоты, что можно назвать ее Принцессой. Настоящей принцессе нужно поставить на стол табуретку и взобраться под самый потолок Венсмин... (в общем, вы поняли) аббатства, и то мало будет, если сравнить с моей Принцессой.

Это начало одной сказки, или даже сотни подобных сказок. Это самое начало, а дальше, как хотите. Допустим, все пошло-поехало не так, как в сказке, хотя бы потому, что в сказке нужно твердо знать, о чем мечтаешь, чтобы из этого

получилось чудо. А я еще ничего этого не знала, когда мне кто-то стал говорить про Любовь Небесную и Любовь Земную. Чем не принцессы с такими именами? Даже картина такая есть, обе Любви (или Любви – поправьте, если хотите) сидят у саркофага (название я потом узнала), а между ними забавляется ребенок, запустив в этот саркофаг по локоть пухлую ручонку. С этим и взрослый человек не сразу разберется, тем более, что Любовь Земная была одета в пышные одежды, а на Любви Небесной не было почти ничего, буквально, кроме ярко-красного плаща на руке и белой простынки на бедрах. Уверена, что без подсказки не каждый, даже взрослый человек угадает, где кто, может быть, взрослый как раз и ошибется.

А теперь представьте, вы только пошли в первый класс. Я знала, что бабочек я люблю, а жуков не очень, а когда на кухне у моей подружки я увидела живого таракана (у нас дома их нет), то мне стало как-то совсем нехорошо. В обморок, как другие, я, конечно, не упала, но поняла, что таракана полюбить никогда не смогу, даже если его выкрасить в золотой цвет и надеть, как в сказке, на него корону. Даже тараканьи усы меня не радуют.

И тут мне рассказали про принцесс. Как к ним явился какой-то очень хитрый таракан и стал сбивать их с толка. Там, где Любовь Небесная, он говорит, что это Земная, а там, где Земная, наоборот. Можете представить? Сейчас, конечно, учат в школе, как их различать, потому что такие исто-

рии случаются не только с принцессами, и дым у таких тараканов из усов не идет, чтобы принцессы бросились, кто куда. Но в моей сказке все закончилось хорошо. И если узнать настоящую Любовь, больше ничего не нужно. Потому что в ней остаются все близкие, которых хочется любить, и тут уже нельзя различить, где и какая это любовь. Это просто Любовь, и не нужно ничего больше спрашивать.

Я против

Что-то я такое сделала. Не помню что, но что-то хорошее. Мама меня похвалила, а папа сказал: – Такого ребенка нужно зарегистрировать в Алмазном фонде... Вы бы согласились? Я – нет.

Глубокие мысли

К такому красивому халату полагаются глубокие мысли. Это мне самой пришло в голову, хоть Ленка считает, что это она сказала, потому что халат ее.

Глубокие мысли и наблюдения

Сама еще спит, а гордость уже проснулась. Это про меня. В большом знании много печали. Так что вам крупно по-

везло. Догадайтесь, почему.

Мысль блуждает. Но, если достигнет головы, я скажу.

Я расту, как принцесса на горошине. Теперь уже на двух, и скоро нужно будет еще подкладывать, потому что на двух я не умещаюсь.

Даже не пытайтесь

Это все равно, что соревноваться с африканской женщиной, кто лучше загорает. И крем для загара на мне, и кожа его хорошо чувствует, и загораю я лучше, а результат хуже... Лучше не вспоминать, чтобы не огорчаться...

Добрый джин

Если долго тереть во время мытья посуду, тарелку или чашку (не обязательно кувшин), то появится добрый джин и выполнит любое твоё желание. Я терла, терла, джина не было, но зато появился папа и разрешил мне смотреть телевизор на полчаса позже. Других желаний у меня тогда не было.

Совет про собачку

Собачку нужно брать не моложе пятнадцати лет, слепую. Потому что молодая собачка может помочь себе сама, а ста-

ренькой должны помогать мы. И я знаю семью, которые водят гулять такую собачку. Про них так и говорят: вот идет слепая собачка со своим поводырем.

Это я придумала

Я слышала, как по телевизору говорили, что бананы очень полезны для работы нашего мозга. И я поняла, почему обезьяна превратилась в человека. Она сидела на дереве и ела бананы, пока другие ходили внизу, жевали листья, траву, салат, помидоры с огурцами, чеснок и картошку, в общем, что попало, а до бананов не могли дотянуться. Что из этого получилось, вы теперь сами видите. Конечно, мне могут возразить, питание должно быть разнообразным, на одних бананах не проживешь. А я отвечу, хорошо, что хоть так. Кстати, интересно, предки Чарльза Дарвина питались бананами, или ему просто так пришло в голову?

Заколдованный домик

Недавно к нам в гости пришла мамина знакомая. Она художница, оформляет книги и вообще, как говорит мама, *интересный человек*. Представьте себе, хоть представить это трудно, она старше моих родителей и, как говорят взрослые, пережила войну. Это самое невероятное, потому что людей

такого возраста я могу представить, для этого есть бабушки и дедушки, а вот войну вообразить совершенно не в силах. А эта знакомая была тогда таким же ребенком, как я сейчас. И вот, что она рассказала.

...Когда началась война, наша семья разделилась: мужчины пошли на фронт, а мы – остальные поехали в эвакуацию. По дороге к нам присоединялись разные родственники, можете представить сами. Из Киева выехали: бабушка, ее сестра с престарелым мужем, две бабушкины дочери – это моя мама и тетя, конечно, я – мне было тогда пять лет, и моя четырехлетняя сестричка Катя. В пути к нам присоединилась тетя из Таганрога с десятилетним сыном и четыре тетки из Одессы, правда, без детей. Кажется, я никого не забыла. Чтобы пересчитать своих теток не обязательно куда-то ехать, тем более, в эвакуацию, лучше сидеть дома и знакомиться со всеми постепенно. Но тут мы собрались все вместе и отправились кочевать, как цыганский табор. Путь держали в Тюмень, там жили еще две тетки. Раньше они были эсерки или троцкистки, и их отправили в ссылку в Сибирь. Остальные тетки говорили между собой шепотом, что наши сибирские тетки *хорошо отделались*. Они жили там давно, в ссылке, и теперь звали нас приехать.

Но в Сталинграде мы застряли надолго. Среди эвакуированных детей началась большая эпидемия кори, и мы с Катей попали в инфекционную больницу. Сталинград тогда еще был мирным городом, а на вокзале стоял огромный лагерь

беженцев. Все наши там жили, каждое утро мама с кем-то из теток отправлялись к больнице, узнать новости. Там уже стояла очередь таких же несчастных, и некоторым тогда же выдавали умерших детишек. Хороших лекарств, как сейчас, не было, шла война. Но мы с Катей выздоровели, вернулись к своим, и все отправились дальше. Что еще было ужасно, это насекомые. Нас в больнице остригли, голова, руки и вообще всё было покрыто язвочками от укусов и расчесами. Я так и писала папе на фронт: у меня *все пальчики перебоletые...* Папа это письмо – треугольничек со штампом *проверено военной цензурой* сохранил. Я тогда только-только научилась писать, согласитесь, это интересно, когда твое первое в жизни письмо проверяет военная цензура. Хорошо, что я не нарисовала танк или самолет или не выдала еще какую-нибудь военную тайну.

В Тюмени взрослые устроились на работу, а я пошла в школу. Как-то я возвращалась после уроков по пустынной улочке, заставленной аккуратными деревянными домиками, перед которыми как раз в этот день зацвела сирень. Еще было светло, но люди куда-то исчезли, и вся улица казалось срисованной с поздравительной открытки. Если бы из дверей домика вышел гном с седой бородой, встал на пороге, раскурил трубочку и откашлялся в кулачок, я бы ничуть не удивилась. Так я себе шла, и вокруг было пусто – ни людей, ни собак, и никто мне не мешал смотреть по сторонам. Может, где-то спряталась парочка старушек, но я их не заме-

тила. День был странный. Мне казалось, он был придуман специально для меня. Будто я попала внутрь огромной сказки, разгуливаю, разглядываю и жду, что-нибудь обязательно случится. И тут увидела, в одном домике распахнуты резные ставни, а стекла в окнах промыты так, что сверкают и переливаются. Это было очень красиво, я остановилась, а потом, сама не знаю почему, зашла через калитку во двор, подошла к домику, влезла на завалинку и заглянула в окно. Объяснить не могу, но именно так все было. И я увидела большую комнату – тогда она показалась мне большой, с темными углами, тяжелую мебель вдоль стен, а посреди – длинный стол под белой скатертью. На столе были расставлены парадные тарелки, лежали ножи, вилки, блестели маленькие рюмки. И никого. А тишина этой комнаты чувствовалась даже сквозь стекло, здесь на улице. Стоит стол, выстроились стулья, сверкает ослепительно белая скатерть, все готово к приходу гостей, и никого. Ни там, ни здесь, рядом со мной. Я смотрела, как замороженная, а потом спохватилась, что я тут делаю. Можно сказать, я вернулась на землю, выбежала за калитку и, не спеша, пошла домой. Я делала вид, что ничего не произошло. Я даже не обернулась, хотя мне очень хотелось. Последнее, что я тогда запомнила, в небе тоненький зеленоватый серпик. Было еще совсем светло, а месяц уже вышел и встал прямо передо мной...

– И что дальше? – Спросили мои родители.

– Ничего. Ничего больше. Кто там жил и кого ждали, я

не знаю. Я даже место не запомнила, вокруг были такие же домики. Зато я помню, как я тогда первый раз размечталась, когда-нибудь я вырасту, и тоже стану ждать гостей. И все будет именно так, как я тогда увидела. И месяц я до сих пор рисую где-нибудь в уголке своей работы. Почти неприметно, для себя.

Все почему-то молчали. Не знаю, кто о чем думал, но я первая догадалась. – Наверно, вас тогда заколдовали.

Художница только взглянула и не ответила.

Как лошадь

Я подумала, может быть мне выражать свои главные эмоции, как лошадь. То есть не *хорошо*, а *и-го-го*. В одном мультике я это видела. Я так и сказала, когда мы ели мороженое. *И-го-го*. Никто не понял, пока папа не перевел с лошадиного на человеческий. Это ей мороженое понравилось.

Нюрморт

Учтите, пожалуйста, что *Нюрморт* – это имя. А теперь слушайте...

Как-то я сидела вместе со взрослыми, и папин друг вспомнил историю. Он был тогда такой, как я сейчас. И готовился отметить День 8 марта. Для ребенка это большая психологи-

ческая нагрузка. В школе и дома. Можно, конечно, что-нибудь нарисовать и надписать. Или купить какую-нибудь открытку. Но этот мальчик придумал такое, чтобы запомнить навсегда. Он пошел в магазин, где продавались разные плакаты, и купил самый большой. Во всяких конторах, вроде домоуправления, такими плакатами украшают двери. На плакате был большой букет цветов. Потом мальчик купил в этом же магазине раму подходящего размера. Но недорогую. Потом он этот плакат прикрепил кнопками с тыльной стороны рамы. Кнопки отскакивали, и плакат никак не хотел улечься ровно. Получилось, честно говоря, хуже, чем в музее, хотя мама мальчика сказала, что это самая лучшая картина, которую она видела в жизни. В общем, ребенок свой подарок преподнес, а поскольку не знал, как его назвать, то сказал просто. *Нюрморт*. Это он знал. Все вокруг, буквально, заплакали от счастья, и папа иногда стал звать мальчика: *нюрморт*. В шутку, конечно. Нюрморт, пора домой, уроки делать... Что-то вроде этого. И какая-то бабушка возле дома, где они тогда жили, услышала и говорит своей подруге: – Сколько красивых русских имен – Иван, Николай... А тут прямо не знают, что выдумать. Нюрморт какой-то.

Это нечестно

А вот еще, про День 8 марта. Один мальчик, сейчас он уже взрослый послал в *Пионерскую правду* (была раньше та-

кая газета для детей) свое стихотворение. Теперь он помнит только начало: – Я знаю, мама, ты не хочешь войны. Ты символ мира, и тобой мы горды...

Сам тайно отослал письмо и ждет, когда придет газета. Главное, чтобы успела к Женскому празднику. Возвращается домой из школы, смотрит, взрослые улыбаются (бабушка и мама – она как раз была дома), но вида стараются не показывать. И видит конверт. Они его открыли, наверно, думали, что там, откуда письмо, ошиблись адресом. Так ему объяснили, хотя на конверте было разборчиво написано, кому, и ясно, что мама и бабушка здесь не причем... А внутри:

– Дорогой друг. Мы прочли твои стихи, обсудили и решили, что ты – несомненный талант, и тебе обязательно нужно учиться дальше. А еще – больше читать и декламировать вслух... С наилучшими пожеланиями. Заведующий отделом поэзии... И подпись.

Вот как раньше отвечали на детские письма. Лично. Поэтому этот человек не стал. Он стал художником. Но больше всего его обидело, что взрослые без разрешения открыли его первое письмо. Самое первое! Стихов он уже не помнит (хотя это были хорошие стихи), а обида иногда возвращается. Как же так... взяли и открыли... Других учат, а сами...

Я его понимаю.

Еще про моего деда

Нашу дачу деду дали за его работу, он был геологом и открыл важное месторождение, необходимое всей стране. У него, я помню, была вмятина на голове от удара, который он получил на войне, еще до этого месторождения. Дома дед бывал редко, и, как я теперь думаю, не знал, что дома делать. Тогда он садился и играл на аккордеоне. Считается, что на аккордеоне играют почти как на гитаре, в разных компаниях по случаю праздника, а дед играл просто так, для себя, и был очень серьезным. Как будто он там, сидит где-нибудь на краю тундры, ноги в валенках свесил в вечную мерзлоту и играет. В тундре далеко слышно. Подходит к нему братец Волк. Можно, говорит, я посижу, послушаю.

А дед ему. – Сиди, слушай. Только, чур, никого не обижать.

– Да вы что, – отвечает Волк, – как можно под такую музыку, от которой слезы на глаза наворачиваются... – Поджал хвост, чтобы снизу было тепло, уселся и слушает. Так заслушался, что тихонько подвывать начал. А дед ему специально подыгрывает.

Это я к чему? Папа как-то маме сказал, а я слышала, что ему от дедушкиной игры выть хочется. И, наверно, слезы на глазах (правда, сама я не видела). Тогда я подумала, как это замечательно, когда хочется выть. У деда хорошо получалось, только очень громко, хотя квартира была большая.

Все остальные старались не шуметь, но если бы даже и шумели, из-за музыки ничего не было слышно. Одна я слушала с удовольствием, и считаю, что крепкая нервная система у меня из-за дедушкиной игры.

В нашей семье все были геологами, кроме меня, конечно. И везде под столами, кроватями стояли ящики с полезными ископаемыми. Хорошо, что все они были в твердом виде, жидких и газообразных ископаемых мы не держали. Зато, если опустить руку под кровать, там обязательно был какой-то камень, самого разного вида. Бывают камни драгоценные, а бывают полезные, и нужно уметь разбираться, какие для чего. Этим геологи отличаются от ювелиров.

На даче дед обязательно спал на веранде, готовил себя к суровым погодным условиям и натягивал вокруг москитную сетку, как он привык в тундре. Я думаю, если бы летом нас завалило снегом, дед бы очень обрадовался. Папа ездил в Африку и привез оттуда щиты и копье. Как его пропустили через границу, сама не представляю, он мог в Африке остаться навсегда или ходил бы босиком вдоль колючей проволоки со своим щитом и копьем. Не забывайте, что все это называлось *холодным оружием*. Пропустили его, наверно, потому, что он был в штанах и рубашке, а не в набедренной повязке, как дикий человек. А тем, кто в штанах, можно ходить с копьем. Так и скажут: – Кто в штанах и с копьем, проходи...

И идешь себе... Папа был высокий, худой, очень красивый, копье ему очень шло.

Про Ленку

Еще у меня была тетя, родная мамина сестра. Ее я звала Ленкой, потому что она была младше мамы, и у нас с ней была не очень большая разница в возрасте, если считать в годах – ей было пятнадцать, когда мне шесть. Родители меня хорошо воспитывали, а Ленка на свое усмотрение. В карты научила – это считалось плохо, а в шахматы – хорошо. И вообще, она знала много такого, что мне – девочке и ребенку из приличной семьи знать было еще рано. Ленка так и говорила. Это тебе еще рано. Или: вырастешь и сама узнаешь. Я помню, мы пели:

Гладить щеточкой бижу
И водить гулять Жужу

Я не знаю, что с большой буквы, а что с маленькой, но когда поешь, это неважно. Однажды, мы с Ленкой ехали по нашему главному Ленинскому проспекту на велосипедах, она впереди, а я сзади. И увидели мою маму, она стояла с другой стороны проспекта, молча, и почему-то держалась рукой за электрический столб. Лицо у нее было белое, как милиционер на празднике. Я ей помахала, но она не ответила. Оказалось, ей стало плохо с сердцем, когда она увидела, как я – шестилетний ребенок еду среди машин на велосипеде. И еще

я придумала загадку, когда смотрела телевизор про Америку: Какая разница между электрическим стулом и электрическим столбом?.. Если вы не догадались, вот правильный ответ: со столба можно упасть и больно удариться, а на стул можно удобно сесть и сидеть.

Семейные фотографии

Теперь еще о себе, чтобы вы меня лучше поняли. Я люблю рассматривать старые черно-белые фотографии, выцветшие, выгоревшие, пожелтевшие, часто с оторванными краями и сложенные вдвое, со следами сгибов. И с надписью чернильной ручкой на обороте вверху, обязательно наискось. Потом на надпись полагалось дуть, чтобы чернила быстрее высохли. Я, когда узнала, удивилась. Между прочим, некоторые из таких фотографий похожи на черно-белые репродукции картин, иногда, буквально, нельзя отличить. Недавно я рассматривала одну такую красавицу. Я уже знаю, чем кончилась ее жизнь, знаю, что она пережила мужа. Я читала ее рассказ об их первых свиданиях. Она еще была студенткой, а он молодым хирургом. Однажды она пришла к нему на ночное дежурство, но тут в отделение неожиданно приехал профессор, ей пришлось спрятаться в одежный шкаф и сидеть там, пока снаружи шла профессорская кутерьма. Ничего себе были порядки. Потом я читала историю ее военной жизни с тем же хирургом, теперь уже законным мужем. Он был начальни-

ком полевого госпиталя, она – врачом, оперировала вместе с ним. В начале войны они отступали, встали на ночлег в какой-то деревне, отправили раненых единственной машиной, но тут в избу заскочил деревенский мальчишка – в деревне немцы, идут сюда. И они бежали, весь госпиталь бежал, ночью, полуодетые, в чем попало, босые. Хорошо, что они успели отправить раненых. Это чудо – так она пишет. А потом муж едва не попал под полевой суд, он раздал литр спирта шоферам проезжавших машин, чтобы забрали раненых, а его обвинили в хищении. Такая была жизнь, и еще много чего. Но все закончилось хорошо. И после войны они жили долго и счастливо, я видела их фото с курорта Кисловодск, пятьдесят третий год. Название *Кисловодск* написано сбоку в углу, белыми буквами, так тогда было обязательно. Курорт – это нечто особенное, полагалось сохранить о нем долгую память. Конечно, фотография, где много хорошо одетых людей – сидящих, стоящих с улыбками на лице – это интересно тем, кто на них заснят, но для рассматривания со стороны – ничего особенного. Женщинам, вообще, лучше фотографироваться отдельно, по крайней мере, я сейчас так считаю. Без мужа – женщина загадка, не помню, кто это сказал, но я согласна, а с мужем – просто семейный снимок. Потом муж умер, а без него она потеряла интерес к жизни, хоть была семья сына, к ней там замечательно относились. Но жизнь ей стала безразлична. Умерла она во сне. Представляете, именно во сне, что-то в этом последнем сновидении было особен-

ное, и она не захотела просыпаться. Или, как говорят, ангел спустился и забрал ее к себе. Мне тоже много разного снится, но из своих снов я всегда возвращаюсь. Или меня будят, потому что пора вставать и идти в школу.

И вот я смотрю на ее фотографии, на одной она еще девица, стоит вполоборота, глядит через плечо, явно хочет понравиться, запомниться, молодые всегда все знают, хотя потом выходит наоборот. На другой – она уже молодая мать. Стоит под какой-то стеной, на улице или даже во дворе, потому что стена – белая, и, видно, она готовилась к снимку. Сохранила пристрастие к цветастым платьям, которые любят художники, чтобы создать живописный эффект. Это могла бы быть гречанка или еврейка, или другая европейская женщина восточного вида. Я смотрю и мне грустно, и даже происходит что-то с глазами, хоть ничего особенного. Просто, это я такая. Фотография сделала наш мир проще, оставляя эмоции, как говорится, за кадром. Когда-то у нас всех будут такие фотографии, мы сейчас будто отправляем их в будущее. И нас, наверно, станут когда-нибудь так же рассматривать, искать надпись с обратной стороны, когда и где все это было. Конечно, интересно, что из всего этого получилось. И как разговорить наше прошлое, в котором мы все участники и свидетели, и остаемся стоять или сидеть рядом со старомодной подписью белым по всему ушедшему...
Кисловодск...

О чем думает дядя Володя

У нас есть сосед по даче, для меня он – дядя Володя, а мама его называет – *наш дачный друг*. Зимой мы нашего друга не видим, только иногда он звонит, поздравляет с Новым годом. Дядя Володя был каким-то важным инженером в строительстве самолетов, теперь ушел на *заслуженный отдых* и на работу выезжает, когда позовут. Он считается консультантом, и вызывают его часто. Это я узнала из разговоров родителей, и сама видела, как за дядей Володей приезжала машина. Кроме того я вижу, как дядя Володя ходит на станцию за пивом. Может, за чем-то еще, но про пиво он говорит с папой. Подойдет к забору и зовет, иногда папа присоединяется, и перед этим спрашивает у мамы. Тогда дядя Володя заходит к нам, они садятся с папой за летний столик, пьют пиво и разговаривают. Иногда мама присоединяется, меня они не приглашают, но я появляюсь без приглашения, проезжаю мимо на велосипеде и возле них останавливаюсь. Мне четыре года, голова у меня над столом, я хорошо слышу, и все понимаю. Дядя Володя рассказывает, что над планетой Юпитер (если я не перепутала) стоят облака, но не из воды, как у нас, а из аммиака, а внизу под ними текут могучие реки из серной кислоты. Без всякого загрязнения среды обитания, потому что обитать в серной кислоте – небольшое удовольствие, а без удовольствия жизнь не имеет продолжения. К

чему это дядя Володя рассказывал, я не знаю, а запомнила, так как я из геологической семьи. Одна девочка дала понюхать нашатырь своей кукле Лизе, когда той стало плохо. И Лиза сразу ожила. А взрослые потом допытывались, где мы этот нашатырь взяли. Я и сама тогда понюхала. Ну, и ничего. А аммиак – намного хуже. Поэтому я папу спросила, как это может быть, что бы целые облака из аммиака?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.